

ВЕРА ПРАВДА

Доцент кафедры отечественной истории, теории и истории культуры. В прошлом году вышла книга сказок Веры Правды «Диковинки». В прозе Вера Леонидовна осталась малой форме и предлагает продолжение цикла небольших рассказов о серьезном и смешном.

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «ЯИЧНЫЕ СКОРЛУПКИ»

МОЙ МИР

Мой мир – это тесные казённые квартиры с белёными стенами, где под голыми электрическими лампочками краснеют ковровые дорожки, дремлют под салфетками черно-белые телевизоры, громко тикают круглые будильники на тоненьких ножках, пылятся в керамических вазах пластмассовые цветы. На полках бельевых шкафов лежат стопки белоснежных простыней и заштопанного белья.

Там часто пахнет борщом, жареной картошкой, горячим молоком и вишнёвым вареньем. А в зеркальных буфетах стоит фаянсовая посуда с блёклыми цветами.

По крашеному полу гуляют тёплые солнечные пятна. Голос радио нетороплив и привычен. Занавески с кружевным шитьём прячут на подоконниках цветущие глоксинии.

Мой мир – это осенний дождь, шепчущий о чуде.

ФАНТИКИ

Мы теперича разве так поминаем родителей? А вот, мне одна старуха сказывала. Была у ей тётя. Так вот, ей конфеточку дадут помянуть, она конфеточку съест, а фантик от этой конфеточки оставит. И набрала она этих фантиков полный мешок. И наказала: помирать стану, вы мне в гроб ни цветов никаких, ничего не

кладите, а положите вот эти все фантики, это от конфеточек, которыми я тятеньку, мамоньку да всю родню поминала. Померла она, и у неё гроб доверху был полон всяких-всяких фантиков. Вот как добрые-то люди поминают.

КОНФЕТКА

Я запомнил один случай. Было мне лет шесть. Мы жили с матерью и сестрой без отца. После войны мать работала в колхозе дояркой. Ничего у нас не было. Значит, такое дело. Беднота! Кто-то там печенье или мёд ел или что ещё. Для меня этого не существовало, всё равно как в сейф положенное. У нас на квартире жили постояльцы, они ели, а мы – нет. И вот один раз мне дала конфетку дочка лесника. Это было для меня всё равно, что чудо. Я её на всю жизнь запомнил, конфетку.

РАЗВОД ПО-РУССКИ

Две пожилые женщины с полными сумками неторопливо шли по тротуару. Из сумок выглядывали варёная колбаса, селёдка, пакеты с молоком и пряники. Одна из них негромко говорила другой:

- Как Ельцин стал этим, председателем или кем, не знаю, так у них и началось. Он за Горбачёва, а она за Ельцина. Начнут спорить – пыль до потолка. Я ей говорю: «Лидка, на что они вам сдались, Ельцин с Горбачёвым, да Бог с ними. Тебе что, с Горбачёвым что ли жить?» Нет, ни в какую. Упёрлись оба. Так и развелись. Вот дураки-то, вот дураки...

ТРИ ЖЁРДОЧКИ

Жизнь, какая была, спрашиваете? У родителей моих дом хороший был в Карачане, под Москвой, большой, под железной крышей. Ну, а как не большой строить, столько детей было. Работали все. А когда раскулачили, сослали всех в Казахстан.

Выгрузили нас на станции где-то возле Чу, в поселке маленьком, в голой степи. Одни саксаулы кругом. Заставили саксаулы рубить на дрова. Есть почти не давали - ложка муки в день на человека. Мамонька наша не в себе стала, умом повредилась. А когда родители умерли, я убежала на родину, в Карачан. Там, вот, за деда вышла. Он бухгалтером работал. Я тогда думала, что это и есть самый большой начальник, счастье мне невиданное подвалило, ох, и смех, и грех. С дедом и прожила почти пятьдесят лет

Врать не буду, за свою жизнь ни рубля не украла, никому должна не осталась. Вот, только один раз рано утром, до свету ещё, выдернула из плетня у соседей три жёрдочки на растопку. Мне уже скоро восемьдесят три года, а я эти три жёрдочки по сю пору помню.

ПОЛНОТА ЖИЗНИ

Недавно я у подруги была на дне рождения в общежитии. Ей двадцать два года исполнилось. Она такой стол накрыла, напекла, настряпала. Муж её вино хорошее достал. Сидели, выпивали. Ну, конечно, разговор зашёл о том, чего всегда не хватает: о деньгах и квартирах. А подруга моя покраснелась, сияет вся и заявляет нам: «А мне теперь ничего не нужно. У меня есть дочь, муж и телевизор».

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Было у меня время, когда достал меня этот вопрос: в чём смысл жизни. Прямо, хоть утром не вставай. Вопрос этот раньше меня просыпался и торчал в голове. А когда не знаешь ответа, то и жить не хочется. Смотрю, остальные как-то ничего, живут. Наверное, что-то знают, чего я не знаю.

Пришли мы как-то с мамой к её брату с женой. Его жена, тётя Валя, смешливая, говорливая, на кухне у плиты хлопотала. Я подумал: ведь никогда её унылой не видел, спрошу-ка у нее про смысл жизни:

- Теть Валь, а в чём вы видите смысл жизни?
- Как? Какой смысл?
- Ну, для чего вы живёте?
- Ну, вот ты грамотный, ты и объясни.
- А мы это в университете не проходили. А вы уже вон сколько прожили Вы же для чего-то жили.
- Как для чего? Чтоб детей вырастить.
- Детей и курица, и корова выращивает.
- Ну, тогда я не знаю, какой ещё смысл. А ты скажи?
- Я бы сказал...

Тут тётя Валя что-то вспомнила:

- Ань,- крикнула она моей маме в другую комнату, - у тебя в воскресенье живот не болел после этого «Рубина»?
- Да, нет, ничего.
- А нас прохватило тогда с Колькой. Всю ночь бегали, он себе бегал, я - себе. Это вы нам что-то нашептали, наверное, - тётя Валя, смеясь, шутливо погрозила мне пальцем.- Ну, айдайте скорей за стол, пельмени уже готовые.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Прикосновение было нежным и лёгким. Я обернулась и поняла, что оно было невольным. Рядом со мной стоял мальчик. Черные пышные волосы спадали до плеч. Он внимательно рассматривал свои белые носки: ему никак не удавалось одеть слетевший с ноги сланец. На нём была малиновая майка, лёгкие фланелевые брюки. Грудь украшали крупные халцедоновые бусы. Он рассеяно оглянулся, видно было, что он просто гуляет по Лувру, особенно не интересуясь шедеврами искусства.

Я три дня брожу по Парижу среди десятков тысяч туристов. Сотни раз случайно прикасались ко мне, и я касалась других, но почему я вдруг откликнулась на это прикосновение и внимательно рассматриваю теперь мальчика с пышной шевелюрой. Нам надо было вместе оказаться в Париже, мне лететь долго сюда на самолёте, ему, может быть, тоже, прийти обоим второго июня две тысячи первого года в Лувр, чтобы он, остановившись в галерее Сюлли, случайно прикоснулся ко мне, а я выхватила его взглядом из толпы. Это всего лишь миг. И вот

уже затерялся среди других и навсегда пропал мальчик в малиновой майке.

«ЗАМУЖ»

Ой, мои детки, не угадаешь, кто будет замужем счастливым, а кто промается всю жизнь. «Замуж» хитрый. Одни по пять лет дружат, присматриваются друг к другу, чтоб не ошибиться, да не то возьмут, другие за неделю всё решат, и правы будут.

У меня, вот, две сестры, Таня и Женя. Таня со своим будущим мужем Ваней с пятого класса дружила, с армии его ждала. Пришёл он с армии, они поженились и прожили всю жизнь как кошка с собакой. Парень он хороший, покладистый, ну выпивал, правда, но нет так, как другие запивались. Рита с Машей у них родились. А Татьяне всё что-то не так, да не эдак. Ну, нам со стороны ведь не всё видно. Расходились сколько раз, опять сходились. Потом она всё равно ушла, оставила его в своём доме, себе квартиру купила. Он как раз болел сильно. Она приходила, ухаживала за ним, но жить не жила.

А Женя, та своего мужа Колю до свадьбы и десяти дней не знала. Он был военным, служил в военной части под Ванино. Женщин там никаких не было, ему десять дней на побывку дали, чтоб женился. Он приехал в Свердловск к своим дальним родственникам, те его с Женей познакомили. Они несколько раз встретились и поженились. Повёз он её в Ванино. Она мне потом рассказывала: пойдёт Коля на станции билеты компостировать, а она сидит с чемоданами, ждёт его, а сама думает, а вдруг не вернётся. Видит, идёт, ну, слава Богу. Так они жили душа в душу и сейчас так же живут.

Я, грешница, завидовала им. Он уж так за ней ухаживал, почитал её.

Она ребёнка начнёт купать: «Коля, дай мне распашонку». Коля ей показывает: «Эту?» - «Нет, не эту». Коля ей другую показывает: «Эту?». «Нет, не эту». Находит, какую нужно. Стал бы мой перебирать распашонки: «Сама ищи» - и весь разговор.

Вот какой он, «замуж».

ДВЕ АВТОБУСНЫХ ОСТАНОВКИ

У него был красивый тонкий профиль, седеющие аккуратные волосы и очки в тонкой оправе. Он сидел чуть впереди, через проход и я могла незаметно рассматривать его. Он мне подходил. Целиком. От кончика породистого носа до кончиков начищенных туфель. Именно такой, ухоженный, уверенный, самоуглублённый мне был нужен. Профиль обещал душевную тонкость, а изящные руки нежные прикосновения. Редкий для городского автобуса экземпляр.

Я всё рассчитала: когда я подойду к выходу через две автобусных остановки, он обязательно посмотрит на меня. Моя фигура не оставляет мужчин равнодушными. Розица-то у меня не особенно, но фигура классная, сама знаю, и другие говорили. У меня и пальто красивое (полгода на ужинах сэкономила). Ну вот, смело так посмотрю ему в глаза, улыбнусь и кивну. Встану у выхода. А он поднимется с места, подойдёт ко мне и спросит:

Мне сойти?

Я скажу:

- Сойти. –

И мы сойдём вместе на моей остановке. Он возьмёт меня за руку и спросит: «Как вас зовут?», ну и всё такое. И полетят к чёрту все эти тётки с отдела с их перманентом, пухлыми пальцами в кольцах и толстыми задницами. Все эти ведомости, проценты, это опостылевшее койкоместо в общежитии с яичницей по утрам.

А в свадебное путешествие мы поедem с ним в Сочи. Будем гулять вечером по морскому берегу, целоваться под пальмами, сидеть в уличных кафе. У нас будут девочка и мальчик. Ну, всё, сейчас моя остановка, пора идти к выходу.

Автобус вдруг резко затормозил. Я успела схватиться за поручи. Из сумки у меня вылетел кулёчек с конфетами цветной горошек. Горошек с треском рассыпался по полу. Только этого не хватало. Все, кто мог с интересом на меня посмотрели, наверное, и мой избранник. Хватаясь за что придется я полетела к выходу. Горошек катался у меня под ногами. По дороге я крепко столкнулась с тёткой, которая, всплеснув руками, огрела нечаянно своими ручищами подвернувшуюся кондукторшу. Спасительная дверь открылась, я выпрыгнула. Ну вот, каблук подломился и свернулся набок. Я поковыляла прочь. Из окна кондукторша

недружелюбно мотала головой и громко сообщала о моих недостатках. А мой избранник смотрел на меня и улыбался.

Эх ты, а я всю жизнь собиралась с тобой прожить.

НЕТ ДЕНЕГ

- Ну, что, Саш, куда летом поедем отдыхать? Пора уже решить, конец мая.

- Выбирать не приходится, дорогая: Малайзия или, может быть, даже Турция. Нет денег. Сама знаешь, огромные кредиты взяли на новый проект. И потом, детям там нравится: море, аквапарки – всё, что надо.

- Светка, в «Бенетоне» на прошлой неделе такая распродажа была! Ходила туда?

- Угу. Две кофточки купила себе.

- Какие? Полосатенькие?

- Одну полосатенькую и одну с сеточкой. Там ещё была чудная кофточка – авангард: с бахромой, золотым плетением. Так хотела купить её. Но дорогущая. Нет денег. На отпуск коплю.

Оля заглянула в кошелёк – пусто. Вздохнула, положила его на полку.

- Зачем я его буду носить, если нет денег.

ВОПРОС О ВЛАСТИ

- Я не собираюсь по специальности работать, сразу после института пойду в Академию ФСБ.

- Почему такой выбор?

- Мне власть нравится.

Я удивилась. На вид он был улыбчивый и мягкий, с крупными рыхловатыми чертами лица и следами юношеских прыщей. А ведь в любви к власти так открыто мне признавались, пожалуй, впервые.

- Власть? Просто так, ради власти? Или ради каких-то проектов?

- Я хочу в отдел экономических преступлений.

- Я слышала, в Академию ФСБ бешеный конкурс, без протекции не поступишь.

- А я знаю, как на тесты отвечать, чтобы взяли.

«Этого, пожалуй, и возьмут», - с опаской посмотрела я на него, и всё-таки, не оставляя надежд на некоторые романтические порывы, сказала:

- У меня сын тоже хочет по военной части пойти. По идейным мотивам.

- Это пока не соображает, - уверенно мотнул парень головой, - а там, разберётся, что к чему, если голова есть. Кто с такими соображениями туда идёт, тому быстро голову срубают.

Мне стало как-то не по себе:

- Но и тех, кто к власти рвётся, тоже устраняют, сильно ретивых, - заступилась я за идейных.

Мой студент не смутился:

- Тут голова нужна для соображения. А она у меня есть. Я соображаю.

- Что ж, желаю вам не потерять голову в буквальном и переносном смысле, - я вежливо кивнула.

«Господи, пусть он никогда не попадёт в ФСБ», - попросила я.

18.02.04

ГАРНИТУР СОНАТА

Краска на полу постоянно шелушилась. Ободранный пол невозможно было отмыть. Обои безжизненного цвета в маслянистых пятнах от карбофоса придавали комнате жалкий вид. «Клопы, тараканы, моль и даже мыши – это не ново, но вот крысы! - с отчаянием думала Люда, - Это уже предел». В ванной комнате за трубой стенки не сходились, и через эту огромную щель стали забегать крысы. Здесь часто воняло мышами.

- Сергей, когда мы начнём делать ремонт, - уже в который раз спрашивала она у мужа.

- Ты же знаешь, в магазинах ничего нет для ремонта. Как мы будем ремонтировать?

- Ну, ты ходи, смотри.

- Я уже третий месяц смотрю.

Люда вздохнула. И правда, в магазинах, кроме ссохшейся замазки и чёрной извести – шаром покати.

- Давай, пока конфеты шоколадные не кончились, Свету в гости пригласим на чашку кофе. Она мне так с Машенькой помогает, всегда берёт её, когда мне на работу сходить надо.

На следующий день Люда со Светой гуляли с детьми. Дети играли, а мамы сидели рядом на лавочке.

- Как вы отдохнули? – начала разговор Люда.

- Вобщем, не плохо. Хорошо, что родных было много, знакомых. Но и хлопот много досталось, приезжала мать Васина с дочерью и внуком.

- Что с квартирой? – решила задать Люда самый больной для «общежитских» вопрос. Надя с Васей и тремя детьми ждали квартиру чуть ли не со дня на день и жили второй год впятером в одной комнате.

- Да... - неопределённо протянула Света, - сейчас там на больничном ответственные. Не знаю, у меня уже сил нет. Ни переодеться, ни помыться толком не могу. Дети уже большие, всё понимают. Я хочу написать, это, как его, а Вася говорит, не надо, ты ничего не добьёшься этим. Там у мамы была у своих подруг. Они все уже получили квартиры трёхкомнатные. Все так живут... В Германии не были, а такую мебель купили. Ольга пригласила меня в гости, так у неё только одна люстра в большой комнате полторы тысячи стоит.

- О! Мне на мою интеллигентскую зарплату до конца дней моих не купить такую люстру, - с наигранной весёлостью воскликнула Люда. Её неприятно поразила люстра за полторы тысячи, она сравнила эту сумму с пособием, которое она получает в месяц на ребёнка – 50 рублей.

- В спальне подешевле люстра висит, - оживляясь, продолжила Света, - рублей так за сто. Там у неё стоит гарнитур «Соната»: кровать большая, два шкафа. Кровать с тумбой, над кроватью висят часы электронные, муж специально для неё сделал, бра за восемьдесят рублей. В большой комнате стоит гарнитур румынский «Жилая комната» за три тысячи. На полу линолеум. Салатница за девяносто рублей на журнальном столике. На кухне гарнитур отличный, кухонный комбайн. В детской попроще: там сборная мебель. И у другой тоже была, у Гали. У той, правда попроще, но тоже гарнитур в большой комнате, ковёр лежит за

восемьсот рублей. А у одной ещё я не была, так там вообще, говорят, не квартира, а музей.

У Люды испортилось настроение. Она вяло кивала головой. Но всё-таки не выдержала и спросила как можно более равнодушным голосом:

- Откуда у них такие деньги?

- У Оли муж ездит калымить на Север, на два-три месяца и каждый раз привозит ей по полторы-две тысячи.

Люде захотелось уйти домой. Тут сынишка вовремя намочил штаны.

Вечером муж спросил:

- Ты пригласила Свету?

- Нет.

- Почему?

- Что-то не захотелось.

19.02.04